

СОДЕРЖАНИЕ

СТОУНХЕНДЖ	5
ВРЕМЯ ДЛЯ МЯТЕЖНИКА	299

КНИГА I

Глава 1

Британия. 1480 г. до Р. Х.

Ветер, дувший с лесистых холмов на севере, гнал по земле тонкую поземку. Холодные порывы насквозь продували высокий и темный лес, ломали сучья, качали верхушки хвойных деревьев. Кое-где ветер перепрыгивал через расчищенные человеком поляны, где из замерзших борозд торчала короткая стерня, через приземистые дома, сдувая с крыш перья дыма.

Ветер перемахнул через гребень... ворвался в безлесную долину, свободную от деревьев, притиснул к земле невысокие хижины из дерна, срывая с их крыш сухие стебли.

Прижимая подбородок к груди, чтобы укрыть лицо от колючих снежинок, Ликос Микенский туже запахнул вокруг тела белый шерстяной плащ. Конический шлем, украшенный рядами кабаньих клыков, мог защитить его от ударов меча, но не от непогоды. Он остановился перед низкой дверью последней в селении хижины и открыл ее. Внутри было влажно и холодно, как и снаружи... только внутри воняло.

— Что случилось? — спросил Ликос.

— Не знаем, — отвечал Козза, седовласый воин со шрамами на лице, бронзовый полудоспех и остроконечный бронзовый шлем которого носили следы множества схваток. Щурясь в тусклом свете очага, он глядел на мужчину, стонавшего на земляном полу хижины. — Один из мальчишек наткнулся на него на опушке леса и известил

меня. Тогда он тоже был без сознания. Малыш приволок его сюда.

Низкорослый крепкий мужчина в запятнанном буром одеянии явно умирал.

— Может быть, кто-нибудь из них знает, кто он? — спросил с порога Ликос, не пожелавший войти в зловонное помещение.

— Он не из их рода, это альбий, — отвечал Козза. — Мальчишки только это смогли сказать мне. Они напуганы, они говорят, что один из них как будто встречал этого альбия, но не помнит его имени. Глупы они, вот что.

Мальчишки жались друг к другу под шкурами на ложе и опасливо переглядывались, только белки блестели на перепачканных сажей лицах. Когда Козза заговорил о них, они отодвинулись еще дальше.

Не нравилось все это Коззе. Он потыкал в ребра лежавшего большим пальцем ноги, но безрезультатно. Глаза мужчины так и не открылись, на губах выступила розовая пена.

Огромная рана в его груди была заткнута свежим мхом, однако повязка не могла остановить кровь, струйками стекавшую по ребрам. Козза бился во многих битвах, он знал, как умирают мужи, и знакомое присутствие смерти не смущало его.

— Оставь его, — приказал Ликос, поворачиваясь, чтобы уйти, но остановился и ткнул пальцем в сторону мальчишек, забившихся еще дальше. — А эти почему не работают?

— Один из оловянных ручьев разлился. — Козза шагнул влево, оказавшись чуть позади Ликоса. — Пока вода не спадет, там нельзя копать.

— Тогда поставь их к килнам, чтобы жгли древесный уголь... или руду пусть толкут; дела для них много.

Козза согласно кивал. Что они ему — просто мальчишки-донбакшо, за какие-то безделушки проданные родителями в услужение.

Ветер заносил в хижину снежные хлопья; весна в этом году запоздала. Солнце холодным оком светило невысоко над горизонтом. По полузамерзшей грязи и заносам белого пепла шагали они к приветливому теплу, исходившему

от одной из печей: под односкатным навесом в углублении была навалена груда раскаленного древесного угля, перемешанного с рудой. Для выплавки олова требовалось дутье, и, заметив Ликоса, пара мальчишек, без усердия колыхавших мехи, налегла на них со всей силой; посыпались искры, свиная шкура, из которой были сделаны мехи, визжала, обретая между двумя досками новую жизнь.

— Эта скоро будет готова, — проговорил Ликос, окидывая опытным взглядом ворох раскаленных углей.

— Не нравится мне этот раненый альбий. Как он здесь оказался? В этих краях они не живут. Почему...

— Они воюют между собой, а значит — умирают. К нам это не имеет отношения.

В этих словах слышался уже приказ удалиться. Козза неохотно оставил тепло и отправился назад в собственное жилье — за мечом и щитом с бронзовой бляхой в центре. Это в поселении можно было ограничиться полуброней и кинжалом. Даже один шаг за вал следовало делать вооруженным — и при этом не лезть на рожон. В лесу водились медведи, иной раз они могли и напасть после долгой зимы; волки, бродившие стаями, видели в людях всего лишь источник мяса. В чаще кустарников таились свирепые вепри, могучие убийцы. И люди: нет страшнее убийц среди всего живого на земле. В незнакомце любой видел врага. За пределами домашнего круга друзей не было.

Мирисати сидел на корточках чуть ниже гребня, перегораживавшего долину вала.

Тяжелый щит лежал рядом с ним, кончиком меча он чертил на грязи круги.

— Я легко мог бы убить тебя, — проворчал Козза. — Расселся, словно с наслаждением валишь кучу.

— А вот не убил бы, — отвечал Мирисати с безразличием молодости к одолевающим старость заботам. Он сел, потянулся, потом поднялся на ноги. — Я же слышал еще за целую сотню шагов, как ты хрустишь коленями и звенишь броней.

— Что видно?

Козза, сощурясь, вглядывался в снежную пелену. Перед ним простиралась во всю ширину безлесная долина, покры-

тая кочками побуревшей мертвой травы. Поодаль начинались заросли вереска, за ними темнела стена леса, покрывавшего остров Йерниев с востока на запад, от песчаных пляжей юга до болотистых северных берегов. Молчание окутывало долину. Ничто не шевелилось, только стая ворон поднялась и исчезла вдалеке.

— Видно то, что и теперь перед нами. То есть — ничего. Они к нам не ходят. А хорошо бы пришли. Порубили бы дикарей... все развлечение.

— Ничего, значит, не видел? А как насчет раненого, которого нашли мальчишки, — с дырой в груди? — Невесть откуда свалившийся умирающий все еще тревожил Коззу.

— Кто знает, откуда он взялся? И кому понадобился? Они же тут обожают резать друг друга. И я их понимаю. Чем еще можно развлечься в этих холодных краях?

— Альбии не воюют.

— Это ты скажи твоему будущему покойнику. А если хочешь поговорить со мной, давай лучше вспомним согретые солнцем камни Микен. В какую же даль забрели мы из этого счастливого края! И пусть мои руки ноют от одной мысли о рукоятке весла, я бы хоть завтра поднялся на корабль, чтобы пуститься в обратный путь. Значит, так: пятнадцать дней по холодной зеленой воде до Столпов Геракла, еще тридцать дней по голубым водам до Арголиты. А дома вот-вот начнут выжимать масло из первых маслин.

— Мы отправимся домой, когда получим приказ, — буркнул Козза.

Остров Йерниев он любил не больше своего собеседника. Ветер на миг разогнал снег, и воин заметил, как опускаются на деревья темные силуэты ворон. Устраиваются на ночлег... Но почему они взлетели? Их кто-нибудь потревожил?

— Лучше иди назад, прикажи мальчишкам в хижине браться за работу. Скажи — так приказал Ликос. А ему самому передай, когда увидишь, что подлесок вновь подрастает: пора снова браться за расчистку.

— А тебе, Козза, без дел не живется? — Мирисати не торопился в лагерь.

— На нас уже нападали. Йернии держатся поодаль лишь потому, что мы перебили всех, кто пытался на нас нападать. Но когда-нибудь они непременно полезут снова. А кусты могут служить им укрытием. Лягут на землю и поползут.

— Старик, тебя одолевают кошмары. Мне снится иное, высшее. Теплое солнце, оливковые рощи, прохладное вино. Дивное эпидаврское вино, такое густое, что его приходится разбавлять двадцатью частями воды.

А потом хорошо и девку, да не грязную донбакшо, с которой приходится сперва срезать эти тряпки, чтобы убедиться, что перед тобой не мальчишка и не старик... девушку с медовой кожей, от которой пахнет благовониями.

— Да, такую там не встретишь, — махнул Козза в сторону темного леса.

— Вот я и не надеюсь. Неужели и весь остров такой же?

— Да, насколько я видел. Мы ходили два лета назад — у Ликоса были какие-то дела с племенами. Повсюду леса, густые, даже на высоких холмах не продерешься. Чтобы дойти до племен, у которых огромные камни, нужно идти пять дней. Эти йернии роют землю словно кроты: насыпи, круглые и прямые, холмы, погребальные курганы, а потом еще ставят на них камни... огромные такие уродины.

— Зачем?

— Их и спрашивай. У людей Уалы, где мы тогда были, камни наставлены в два круга, голубые, а верхушки красным намазаны... словно огромный хрен торчит из земли. Грязные люди.

— Смотри, что там? — Мирисати указал мечом на вересковый куст, темневший под буками.

— Ничего не вижу. — Опускалась темнота, и Козза уже не мог ничего разглядеть.

— А я видел — только что. Лиса, наверное, или олень. Неплохо бы добыть свежатины для котла. — Он поднялся на вершину вала, чтобы лучше видеть.

— Назад! Ты ведь не знаешь, что там было.

— Не бойся теней, старик. Они не кусаются.

Мирисати со смехом обернулся, чтобы спрыгнуть вниз. И тут в воздухе что-то прошелестело. Копье глубоко погру-

зилося в шею воина, удар бросил его наземь, звякнул доспех.

Мирисати упал на спину, разбросал ноги. Выкатив глаза, он потянулся к древку и умер.

— Тревога! — завопил Козза. — Тревога! — И заколотил мечом в край щита.

Больше копий никто не бросал. Осторожно выглянув из-за гребня вала, он увидел, что от леса безмолвно и быстро, как волки, бегут мужчины. Нагие даже в эту погоду, они ограничивались короткими кожаными набедренными повязками. В руке бегущего первым было копьё, он метнул его в Коззу, тот легко отразил удар. Больше копий в него не бросали — местные жители использовали копьё для охоты, а не в сражении. Нападавшие были уже близко: круглый щит на левой руке, в правой — боевой каменный топор. У некоторых на шее висели кинжалы; снег выбелил их волосы, и заснеженными жесткими щетками белели усы на лицах. Людей было много. Оказавшись у подножия вала, они разразились пронзительным криком — «Абу-абу!», — чтобы враги в страхе бежали. Козза стоял.

— Йернии! — выкрикнул он; за его спиной уже раздавался шум тревоги. А теперь будет битва. Сердце сильнее забилося в груди воина: из леса появлялись все новые и новые полуобнаженные фигуры. Снегопад прекратился, и он видел, как заполнял долину поток бегущих фигур. Коззе еще не приходилось видеть здесь стольких туземцев сразу. Целое племя пришло, должно быть, и не одно.

Позади Коззы глухо затопали ноги, он понял, что теперь уже не один. Хорошо, пусть будет битва.

Первые воины уже поднимались к вершине вала, выскочив на гребень, он погрозил мечом:

— Козлы и дети козлов! Микенцы вас ждут!

Подняв щит, чтобы отразить им удар топора, Козза погрузил свой меч в живот человека.

Не чересчур глубоко — для этого Козза был слишком опытен, — повернул и вытащил. И пока тело первого еще падало, Козза уже снес голову бежавшему следом, щитом отбросив его топор. А потом другому... еще одному... по мечу заструилась кровь. Острая боль пронзила ногу Коззы, он

едва не упал. Краем щита сбил с ног и этого. Но теперь нападавшие были уже и позади него. Их было много, чересчур много. Завывая высокими голосами, они набегали со всех сторон.

Упал Козза, лишь когда искромсанные ноги не могли более поддерживать тело, и все-таки перекатился на спину и тыкал, тыкал вверх мечом, разя и убивая, пока наконец с него не сорвали шлем и на голову не обрушился тяжелый удар топора. В горло вонзился кинжал, торопливыми движениями ему отхватили голову.

Туземцы с визгом бежали мимо, и снег, утоптаный множеством ног, быстро покрылся красными пятнами.

Глава 2 МИКЕНЫ

Рассвет уже серел, силуэт города четко обрисовался на фоне неба и дальних холмов.

Город властвовал над долиной; к нему вели все тропки среди полей и деревьев. Холм, на котором высился город, был пологим у подножия, далее склон его круто вздымался к основанию могучих и неприступных стен. Едва заря окрасила камни, огромные ворота под львами, стоящими на задних лапах, растворились, словно повинувшись движению невидимой длани. Внутри стен струи дыма из множества очагов вздымались прямо к небесам в неподвижном воздухе. Мальчик с козой медленно брел вдоль обочины, на тропках появились мужчины и женщины с корзинами съестного. Возле большой дороги они остановились, прислушиваясь к стуку копыт, с безмолвным любопытством глядя на двуконную колесницу, прогрохотавшую мимо. Заслышав стук копыт по мощеному склону возле стены, из ворот выглянули стражи. Колесничий весьма спешил: одна из лошадей поскользнулась и чуть не упала, но возница лишь подхлестнул ее. Солнце только что встало, значит, он ехал всю ночь, что небезопасно: вероятно, для такой спешки был повод. В Микенах спешить некуда: времена года сменяют друг дру-

га, дождь увлажняет землю, поднимаются всходы, режут скот, растет молодняк. И нет причин куда-либо торопиться, особенно по ночам, рискуя искалечить или погубить священное животное — лошадь.

— Узнал! — выкрикнул один из стражей, показывая бронзовым наконечником копья. — Это Форос, двоюродный брат царя.

Они расступились и, высоко воздев оружие, приветствовали важного гостя. Белый плащ Фороса потемнел от пены, летевшей с оступавшихся лошадей, сам он устал не меньше.

Не поворачивая головы ни вправо, ни влево, он погнал утомленных животных в высокий проем ворот, под львами, вырезанными в камне, мимо круга царских могил, на вершину холма в город Микены.

Рабы торопливо приняли лошадей, пока Форос неловко спускался на землю. Его шатнуло, ноги слишком устали после долгой езды, и он привалился к стене. Прошедшей ночи ему не забыть: он не колесничий, поэтому всю дорогу опасался за благородных животных. И все-таки гнал их вперед, невзирая на все опасения, а перед этим подгонял целый день гребцов, не обращая внимания на усталость людей. Царь должен узнать. Конская поилка оказалась неподалеку, Форос в изнеможении склонился над ней и, зачерпнув ладонями воду, бросил ее на лицо и плечи. Вода после ночи еще не согрелась и, смыв с тела пыль, прихватила с ней и часть усталости. Вода капала с волос и бороды; Форос утерся краем плаща, прежде чем по мощеному проходу направиться вверх — в царскую резиденцию в центре города-дворца; мышцы ног больше не сводило судорогой, он шел мимо огородов, мастерских и домов, где только начинали пробуждаться люди. Они выглядывали из дверей, с любопытством провожали его глазами. Наконец он достиг самого дворца и по гладким каменным ступеням направился ко входу. Окованная бронзой дверь оказалась распахнутой — Авалл, старейший среди домашних рабов, уже ждал, кланяясь и прижимая к груди узловатые руки. Он успел послать раба отнести весть царю.

Перимед, царь Арголиды, глава Персеева Дома в Микенах, с утра был не в духе. Ночью ему не спалось. Виновато

было то ли вино, то ли ноющие старые раны, то ли — это уже наверняка — Атлантида.

— Ах вы, недоноски! — ругал он никого вообще и всех сразу, сползая пониже в огромном кресле и протягивая руку к корзине с фигами на столе перед ним. Атлантида — само это слово словно терновый шип или скорпионье жало.

Вокруг на просторном мегароне* уже закипала повседневная жизнь. Раз царь проснулся — не спать никому. Кое-где раздавался приглушенный говор, хотя никто не осмеливался возвышать голос. На приподнятом круглом очаге посреди палаты раздули огонь, чтобы пожарить мясо. Сколько же лет он сам поддерживал огонь в этом очаге: тогда ни дворец, ни мегарон еще не были построены. Мысль эта не согревала царя, и даже фиги не могли сделать ее слаще. Рядом под навесом две его дочери вместе с рабынями чесали руно и пряли. Царь бросил суровый взгляд, девушки приумолкли, углубившись в работу. Перимед еще был красивым мужчиной, с густыми бровями и тонким носом над широким ртом. И пусть его можно было считать пожилым, волосы оставались каштановыми, как в юности, не было и живота. Загорелую кожу на обеих руках покрывали белые рубцы; когда царь потянулся за очередной фигой, стало заметно, что на правой руке его не хватает двух пальцев. Трудно стать царем в Арголиде.

Появившийся на дальней стороне мегарона Авалл поспешил к нему, низко кланяясь.

— Ну?

— Твой брат, благородный Форос, сын...

— Пусть войдет, сын облезлого козла. Я давно его жду. — И Перимед улыбнулся, а раб поспешил за кормчим.

— Форос, ты нужен мне. Входи, садись, сейчас подадут вино. Как сложилось путешествие?

Присев на край скамьи, Форос поглядел на полированную мраморную крышку стола.

— Дядюшка Посейдон** всей мощью своею подгонял корабль во время пути.

* Мегарон — главный зал дворца с очагом посредине, над которым в потолке располагается отверстие для дыма.

** Посейдон — бог моря в греческой мифологии.